МОЯ БОЛЬ

Последние три месяца у меня проблемы со сном. Во сне я кричу, плачу, бью себя, кусаю себя и кричу, что хочу умереть. Мой врач направил меня к специалисту по сну, который не смог помочь и решил, что лучше обратиться к неврологу и психиатру.

Я думал, что проблема в том, что моё тело наконец поддалось изнуждению, которое я подвергла ему пятьдесят лет непрерывных путешествий по часовым поясам и круглосуточной работы. Поэтому я решил отправиться в ашрам в Индии, куда я приезжаю периодически, чтобы помедитировать, заняться йогой, отдохнуть и перевести дух.

Это не сработало. Я продолжал кричать, плакать и умолять Бога забрать меня, потому что хотел умереть.

Два энергетических терапевта, которые случайно посещали ашрам, сказали мне, что думают, будто я переживаю травму Второй мировой войны, которую моё тело впитало в свои клетки: боль и страх, которые всю жизнь после Холокоста я пыталась подавить, работая круглосуточно. Теперь, когда я перестала путешествовать из-за возраста, воспоминания всплывают на свет. Целитель из России пришёл на помощь, подтвердил эту гипотезу, и мы начали анализировать мои кошмары.

Почему я кричал: *«Я хочу умереть, я хочу умереть»*? У меня не было причины. У меня замечательный брак, замечательные дети, внуки, благодарные клиенты и преданные коллеги. У меня нет ни малейшей причины хотеть умереть. Я плакал, что хочу умереть, потому что хочу умереть вместе с теми, кого любил больше всего: моими бабушкой и дедушкой, Жентилем и Мушоном Кальдероном; моими кузенами, которым тогда было моего возраста — пять и шесть лет; моими дядями; всей моей семьёй.

Я поехал в Треблинку, лагерь смерти, чтобы узнать, как они погибли. Их сняли с поезда — всю еврейскую общину Македонии: стариков, женщин, детей, младенцев. Из поезда их отвозили в здание с закрытыми окнами и дверями, в комнату качали выхлопные газы из вагона, пока они не потеряли сознание. Затем их складывали друг на друга, как бревна, готовые к пожару. На них заливали бензином, разжигали огонь, и они горели заживо несколько дней, пока все не погибли.

Я кричал во сне, потому что каким-то образом слышал, чувствовал и чувствовал их крики, когда они горели заживо, и хотел умереть вместе с ними.

Что делать?

Люди умирают дважды. Первый раз — физически. Второй раз — когда их никто больше не помнит. Теперь моя задача — следить, чтобы их память оставалась жива, чтобы они не умерли во второй раз.

Я решил, что не умру. Я буду жить столько, сколько мне позволено жить, чтобы напоминать миру о зверствах нацистов и бороться, насколько смогу, против любых зверств, против убийств людей только потому, что они евреи.

Я слышал о людях, которые отрицают, что Холокост когда-либо был, но знаю многих, кто считает, что Израиль не должен существовать. Возможно, мы стоим на грани очередного Холокоста, и теперь моя семья будет следующей, кто погибнет. Моя роль — напомнить миру о Холокосте и распространять информацию, что Израиль заслуживает существования — что еврейскому народу нужна страна, в которой он сможет чувствовать себя в безопасности после двух тысяч лет преследований, Инквизиции и Холокоста.

Израиль борется за выживание, и если единственный выход — это ядерный арсенал, который у него есть, нас ждёт ещё одна катастрофа: весь мир обернётся против еврейского народа, который столкнётся с новой угрозой его существованию.

Просто думаю,
Ичак Адисес